

Владимир ВИШНЕВСКИЙ:

«СЕГОДНЯ Я ЖИВУ И РАДУЮСЬ...»

Когда-то мы были юными и дружили. Потом — судьба и жанры растащили нас по разным углам... Недавно снова встретился с Владимиром Вишневым. Теперь он стал знаменитым, издавал книги, не слезает с экрана ТВ, уступая, пожалуй, только Бабурину, участие его стало обязательным во всякого рода презентациях и сатирических тусовках... Чем не повод встретиться со знаменитым человеком?

ся, любимая, это не секс». В конце книги — специальная рубрика «Новое поколение выбирает», где читатель может выбрать, какая из версий книжки лучше, вплоть до одесского: «Оба хуже»...

— И исконно российский: «Оба лучше».
— Книга вышла спустя пять лет после моего дебюта в этой серии, а как проходила, уже описано: у Хармса, в его гениальном случае «Тюк». Все, конечно, помнят, как праздный мужчина ухайдокал бедную женщину, колдовскую дрова, повторением слова «тюк» в такт ударам ее топора, хотя при этом всякий раз клятвенно обещал не говорить этого слова «тюк».

На каждой стадии продвижения книги к свету просматривались опечатки и ошибки в макете, на что я указывал, все более волнуясь, на что мне говорили: не волнуйтесь, все исправим, колите дрова дальше.

И — «тюк!» В итоге — целый букет «тюков» — где звездочки посредине стихотворения, где пропущена строка (но место для нее оставлено), фамилия художника неузнаваема... Даря книжку от души, я ее еще и правил от руки... Впрямь эту кропотливую работу помогает мне проводить отец во время своих суточных дежурств...

Книжка оказалась лебединой песней «Библиотеки «Крокодила» — серия на ней оборвалась...

— У тебя случаем не дурной глаз? А то и наша беседа окажется моей последней работой на страницах «КО»?

— Нет, не беспокойся!.. Ну, а к началу 1992 года московская «Союзпечать» перестала распространять крокодиловскую книжную продукцию. Тираж завис. Пришлось в одиночку организовывать самовывоз, весь погрузочно-разгрузочный процесс...

— Боже, если бы в пору нашей юности — лет двадцать назад — мне сказали, что ты будешь употреблять такие слова, я бы съел шляпу, которую не носил ни до, ни после юности. А какова судьба второй книжки: как с ее «самовывозом», извини за выражение?..

— «Начиналась» книга «Спасибо мне, что есть я у тебя» довольно бодро: мне повезло — получил приглашение директора «Внешторгиздата». Правда, в итоге книгу выпустило издательство с более поэтическим и загадочным названием «Праминко»... Дай Бог ему процветания...

Маршрут из пункта «А» в пункт «Б» оказался приключенческим: летом 1991-го я деятельно и простодушно участвовал в изготовлении оригинал-макета, приходил, вычитывал, правил, выверял, что-то досылал в набирающий скорость поезд... А потом...

— Наступило 19 августа. Где ты, кстати, был в этот день?

— На этот почти анекдотный вопрос отвечаю двояко: много лет назад в этот день я был в роддоме, поскольку родился 20 августа. В 91-м же году — добывал дискетку моей книги, потому что в цехе компьютерной верстки меня (то ли в шутку, то ли всерьез) припугнули: сейчас тут все опечатают, а набор уничтожат, ведь у тебя в книге порнография... А она запрещена указом ГКЧП... Меня это так впечатлило, что я одискетился...

Впрочем, все обошлось, книга залегла в режим ожидания обложечной бумаги, потом — просто бумаги, потом — перекладывали макет... Потом типография запросила предоплаты, а мои гаранты оказались то ли банкротами, то ли «на картотеке»...

Когда книга слишком опасно накренилась, я вспомнил, что на разных выступлениях и всякого рода презентациях мне часто вручали свои визитки... Вот их обладателям я и сделал звонки. Не со всеми оказалось одинаково приятно и просто говорить на кровоточащую тему. Да и не хотелось выбивать деньги, обаять кого-то, убалтывать... Я балансировал на грани разрешенного самому себе.

И вдруг я вспомнил, как однажды мне позвонил из больницы Юрий Сенкевич и признался, скажем так: в читательских чувствах... Мы подружились. Он-то меня и спас, точнее Российский Фонд международной гуманитарной помощи и сотрудничества, где сопредседательствуют, словно Кирилл и Мефодий, путешественники Сенкевич и Чилингаров...

Правда, деньги от продажи я пока должен возвращать в

банк... Ну это так, налог с удачи. Книга расходуется. Так что я не унываю...

— Стало быть, ты оптимист?
— Оптимизм мой, возможно, чисто совкового свойства. Однажды я его сформулировал так: «Брось, ты зря свои комплексы множишь, зря ты душу себе баламутишь. Проживаешь ты хуже, чем можешь, но живешь-то ты лучше, чем будешь!»

Сегодня я живу и радуюсь. И тем яростнее, чем летальнее и опаснее стало существовать. Тем более, в жизни моей появилось много такого, что ее сильно скрашивает. Ну, например, ты можешь смеяться своим знаменитым едким шутовским смехом, но у меня есть свой Клуб читателей.

— Раз ты не жалуешь мой смех, я прокомментирую это твое сообщение похоронным молчанием.

— ... И филиалы — в нескольких городах. Актив мне здорово помогает с торговлей книгой, рассылкой ее тем, кто заказал... А президент Клуба — не «фанатка», а серьезная деловая женщина, замдиректора нелитературного издательства Вера Матвеевна Беляева... Если не завидуешь, можешь дать контактный телефон Клуба — 268-06-57.

Вот еще удовольствие: никому не носить и не предлагать своих стихов, а просто принимать или не принимать предложения...

А еще приятно, что книга зажила своей жизнью. Недавно через «МК» меня нашло письмо офицера из Камышина: просит выслать наложенным платежом... Какой там наложенный!.. Дарить — такое удовольствие!

— Ты знаешь, здесь я посмеюсь своим «знаменитым едким смехом» (конец цитаты) и сообщу тебе, что ты уже «разорван на цитаты». Твои одностопы сделали тебе имидж... как бы это сказать... эротического поэта, пишущего все больше «про это»...

— Леонид Зорин даже как-то написал, что Вишневы создали свою «энциклопедию русской жизни» из одностопы. Ты помнишь, когда-то я писал «серьезные» стихи о неразделенной любви...

— Как бы я хотел, чтобы эти времена вернулись: не потому, что мне они слишком нравились, а потому, что мне в то время было двадцать пять лет... (Здесь я опять смеюсь своим «знаменитым смехом».)

— Сегодня я пишу еще более серьезные стихи — о разделенной любви и славлю ее, любовь: «О, как прекрасно и удивительно — заняться ею незамедлительно!»

— А какова судьба «серьезной лирики»?

— Она осела в книжках «Подписка о взаимности» и «Московская прописка». Сегодня у меня пишется то, что пишется. И так — как пишется. Вспоминаются что-то умные слова: «Делать надо только то, что дается легко. Но делать это — изо всех сил». Так что легковесность — серьезный принцип!

Наверное, я нашел свою экологическую нишу и волен высказываться «про это». И лирический герой мой, возможно, эрник, сияющий выгладет мудрецом: «Нет, я не вижу в этом смысла, чтоб не смеяться и не мыться. И тот, кто на ночь глядя бредет, на что-то все-таки надеется».

— Есть ли у тебя «непроходные» стихи?

— Совсем недавно не удавалось напечатать такие, например, стихи: «Приучен комсомолом и судьбой застегивать бюстгалтер за собой». Или: «Всегда бываю не в себе, когда бываю не в тебе. Я просто невменяемый, когда я невменяемый!»

Постепенно все, что считалось на грани фола или фаллоса, распечаталось и даже прошло в эфир. Сегодня барьеров нет, кроме главного: собственного вкуса. Ну, а из того, что не публиковалось, предлагаю читателям «КО» венок моих одностопы — попытка прощания с имиджем.

— В твоей книге есть целый раздел с грифом: «Просьба к прекрасным дамам не читать и даже не перелистывать». Боюсь, что если мы продолжим беседу, придется этот гриф поставить и на ней... Здесь я снова смеюсь своим «знаменитым смехом» и умоляю. Спасибо. Бог тебе в помощь!

Беседовал Александр ЩУПЛОВ.

Владимир Вишневыский ВСЬ ЭТОТ ДЖАЗ, в порядке бреда

О, как обрыдло мне поэты	с заданья,	Мы даже не присядем перед	дальней.
как все обрыдло во главе	с собою!..	Не по-английски — лучше	по-советски —
Устал решать посильные	задачи.	уйти живым —	сейчас уже красиво!..
Изношен имидж, хоть	где самому себя представить	и не пассивным.	Исход семитов не всегда
и недоношен.	странно	Я ухожу, любимая,	летальный!..
Сбрийвай усы, пока	и где другим тебя	к мужчинам!	Кто обнажился, тот уже
не отвалились.	представить жутко,	Я ухожу, Аленушка, к хасидам.	навязчив.
Уж поздно, поздно брать уроки	но где — а вдруг?! —	Понятно, тут не Ясная	Желаю видеть
пеня.	счастливо оставаться,	Поляна.	полуобнаженных.
Но выход...	где нас — с картины Репина	Мы не Толстой, хоть Лев	Давно ль и я вот так, в
Выход есть не только в город!	«Не ждали»,	по Зодиаку.	Колонном зале...
Есть выход — не на площадь	где загорают лучшие из	Вы правы, мэм, тут не	Теперь второе: расфасовка
трех вокзалов!..	равных.	изба-читальня.	женщин.
Уйти скорей — откуда только	Не визу ждать, а взять	Не мыловарня тут,	Любовь, любовь!.. О это ль
можно!..	и бросить вызов!	а богадельня.	не занятие.
Со всех постов, из членов всех	Назло всему, что стало	Но, слава богу, есть уйти	Я мог бы рассказать вам
правлений,	недоступно,	откуда!	о вершинах.
из всех структур, —	и вопреки всему, что	Уйти сию же и всерьез и сразу.	Ну ладно, хватит, мне пора
в декрет, если угодн!..	разрешили.	Я праздную симфонию Ухода,	в объятья.
Уйти туда, куда еще	Уйти — о уходить	с поэмой «Хорошо», если	Ну, все, меня увозят
не поздно,	необъяснимо!..	угодно,	на машинах.
куда нам путь, считается,	Бодрей, чем Буш взбирается	и с «Одиссеей», если кто-то	Ну, все, меня на музыку
заказан,	по трапу,	помнит.	кладут.
	нахальной, чем садишься ты		
	в машину!..		
	Я вправе сильным стать		